

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 1995

УДК 61:378.378.661:93(470)

А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XVIII ВЕКЕ

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Обучение — основная функция университета. Поэтому без рассмотрения и анализа организации и содержания учебного процесса невозможно объективно воссоздать историю как университета в целом, так и отдельных его факультетов. Между тем в литературе, посвященной истории медицинского факультета Московского университета, этим вопросам уделено недостаточное внимание. Настоящая статья призвана восполнить существующий пробел в отношении XVIII века. Авторы предполагают продолжить исследование учебного процесса на медицинском факультете и на более поздних этапах его развития.

Поступить в Московский университет мог любой молодой человек, предъявивший руководству университета свидетельства "о благонаравии", "о праве на законную свободу и исключение из подушного оклада", а также доказавший "в открытом заседании Конференции при директоре Университета" удовлетворительное знание "свободных наук и возможность по-Латине свободно и вразумительно изъясняться словом и письмом"¹. Это последнее положение так называемого "Студенческого устава", действовавшего на протяжении всей второй половины XVIII века, определило тот факт, что студентами Московского университета становились, как правило, либо слушатели духовных академий или семинарий, либо выпускники гимназии при Московском университете, а начиная с 90-х годов — выпускники Екатерининских народных училищ.

Гимназический курс обеспечивал наиболее полную подготовку молодых людей к обучению в университете. И перечень учебных предметов (латинский и русский языки, арифметика, геометрия, история и др.), и характер преподавания в гимназиях были ориентированы главным образом на обеспечение необходимого для восприятия профессорских лекций багажа знаний. Разделение всех предметов преподавания на три класса: низший, средний и высший (или ректорский), перевод учеников из одного класса в другой по результатам ежегодных экзаменов и, наконец, то обстоятельство, что выпускные экзамены принимали профессор и директор университета, призваны были обеспечивать отбор именно тех учеников, которые, по мнению самих преподавателей и руководителей университета, были лучше подготовлены к изучению университетского курса наук. Уровень подготовки слушателей духовных учебных заведений был далеко не одинаков. Одних сразу же зачисляли студентами, других по результатам предварительного собеседования направляли для "доучивания" в тот или иной класс гимназии при Московском университете.

Осенью на одном из актов, проводившихся в университете, молодые люди, представившие все необходимые свидетельства и отобранные по результатам предварительного собеседования (либо по результатам выпускных экзаменов в гимназии), в торжественной обстановке посвящались в студенты и получали из рук директора или куратора шпагу, символизирующую их новый социальный статус. Студентам вручали также "Студенческий устав", в котором подробно излагались обязанности студента Московского университета "относительно к учению и поведению". Подпись под этим документом должна была служить формальным обещанием "как Христианина и честного человека, во всем поступать по силе данного ему Устава"².

Все студенты Московского университета вне зависимости от того, желали ли они изучать право или медицину, обязаны были пройти курс наук общеобразовательного факультета. Это соответствовало европейской университетской традиции, положенной в основу создания Московского университета и

предполагавшей прежде всего подготовку широкообразованных специалистов. Вплоть до XVII века такой факультет в европейских университетах назывался артистическим³, а позднее — философским. Его целью было не только дать широкое общее образование, но и решать вполне утилитарную задачу подготовки слушателей к восприятию наук "высших", как их тогда называли, или специальных факультетов: юридического, медицинского, богословского⁴. И хотя в высочайше утвержденном "Проекте о Учреждении Московского университета", который по замыслу создателей должен был служить основным законом университета, нет никаких указаний на обязательное прохождение слушателями дисциплин философского факультета, Университетская конференция неоднократно обсуждала этот вопрос и принимала решения не переводить на "высшие" специальные факультеты студентов, не прослушавших курс наук философского факультета⁵. Уже в начале 70-х годов первым профессором и руководителем университета удалось полностью закрепить это важное положение европейской университетской традиции, добившись обязательного изучения в течение 2 лет вновь поступившими студентами наук философского факультета. Исключение составляли только будущие медики, которым было разрешено приступать к медицинским наукам после года общеобразовательного факультета, "как из него за окончанием курса отпускались на практику" в Московский военный госпиталь⁶. Забегая несколько вперед, отметим, что стажировка в госпитале не являлась обязательной и ее прошли лишь немногие из числа обучавшихся на медицинском факультете в XVIII веке.

Организация учебного процесса на медицинском факультете Московского университета и его ориентация также полностью соответствовали европейской университетской традиции. Обучение на медицинских факультетах европейских университетов не было ориентировано на подготовку специалиста для практической врачебной деятельности, а служило лишь этапом в его формировании, обеспечивая необходимый для дальнейшего совершенствования теоретический фундамент.

³ На артистическом (от лат. artes — искусство) факультете преподавались так называемые семь свободных искусств (septem artes liberales), которые состояли из тривия, включавшего словесные искусства: грамматику, риторику, диалектику (логику), и квадрия — "реальные" искусства: арифметика, геометрия, музыка, астрономия (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том XXXV (69). — СПб., 1902. — С. 249).

⁴ И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов не считали нужным создавать в Московском университете богословский факультет. Параграф 4 "Проекта о Учреждении Московского университета" гласил: "Хотя во всяком университете ... должно также предлагаемы быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду" (Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 144). По-видимому, это было связано с отделением Петром I церкви от государства и существованием в России специальных духовных высших учебных заведений.

⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — М., 1963. — Т.3. — С. 155.

⁶ Тимковский И.Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета // Москвитянин. — 1851. — № 9-10. — С. 32.

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С. 268-269.

² Там же. — С. 269.

Именно это определило существовавшие в тот период формы обучения — лекции и диспуты. Изучение болезней у постели больного, наработка навыков оказания медицинской помощи, т.е. все то, что могло относиться к сфере практических занятий, не входило в задачи собственно университетского курса, относились к послеуниверситетской подготовке и предназначались только для тех, кто хотел посвятить себя практической лечебной работе (клиника Г. Бургава в Лейденском университете и другие известные исключения только подтверждают общее правило). Это в свою очередь привело к отсутствию на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке клинической базы; все без исключения медицинские дисциплины, даже такие, как хирургия, практическая или клиническая медицина, акушерство, вплоть до принятия Устава 1804 г. преподавались сугубо теоретически. Ведущей формой обучения являлись лекции, которые представляли собой изложение и профессорское “толкование” определенного руководства или учебника, избранного в качестве основы для преподавания данного курса. Именно из лекций студенты получали основной объем сведений по специальности. Диспуты были не только одной из форм обучения, при которой от студентов требовалось точно сформулировать, обосновать и защитить предложенное профессором положение, но и средством контроля за усвоением слушателями лекционного материала. В Московском университете диспуты планировалось проводить “по окончании каждого месяца” и “перед наступлением каждой вакансии”. Последние в то же время должны были служить для привлечения молодых людей в университет и проводились публично, “приглася к оным всех любителей наук”. В действительности на медицинском факультете диспуты проводились крайне редко в связи с малым числом слушателей.

Помимо диспутов, средством контроля служили “испытания”, которые проводились в конце каждого полугодия и по итогам учебного года. Результаты “испытаний”, принимавшихся Университетской конференцией, определявшие “понятие” студента по прослушанным им за истекший период времени дисциплинам, директор направлял кураторам университета, а в конце 60-х годов — Императрице. Наиболее способным и желавшим отличиться студентам в конце учебного года предлагалось письменно решить одну из двух задач, отобранных директором из числа представленных ему профессорами университета. Авторы лучших работ награждались золотыми и серебряными медалями.

Минимальный срок обучения на специальных (юридическом и медицинском) факультетах Московского университета в XVIII веке был определен в 3 года. До этого времени никто из студентов не мог перейти на другой факультет и в соответствии как с “Проектом о Учреждении Московского университета”, так и со “Студенческим уставом” поступить на службу. На деле же потребность растущего государственного аппарата в сколько-нибудь образованных людях была настолько велика, что на протяжении XVIII века студенты регулярно отзывались на государственную службу до окончания срока обучения. Однако это касалось главным образом студентов юридического факультета, а также тех, кто в качестве “специального” избрал себе 3-летний курс наук философского факультета. В отношении медиков нам известен только один случай, когда в 1766/67 учебном году почти все студенты факультета, за исключением И. А. Сибирского, имевшего “весьма слабое здоровье”, были отозваны для работы в комиссии “по составлению нового уложения”⁷.

По окончании полного курса обучения и успешного прохождения “испытаний” по всем читавшимся дисциплинам выпускнику медицинского факультета Университетской конференцией выдавался диплом кандидата медицины за подписью кураторов, директора и всех профессоров университета. Каких-либо свидетельств о процедуре присвоения этого звания в XVIII веке обнаружить не удалось. Либо оно присваивалось по совокупности результатов текущих экзаменов, либо, что представляется более вероятным, помимо этого, существовал специальный экзамен. Но так или иначе совершенно ясно, что для получения звания кандидата медицины необходимо было прослушать все без исключения дисциплины, читавшиеся на медицинском факультете и сдать по ним экзамены.

Звание кандидата медицины, как и звание бакалавра медицины, присваивавшееся выпускникам медицинских факультетов

европейских университетов, не давало права на врачебную практику, а означало лишь то, что его обладатель прослушал полный курс медицинских наук и ему предоставляется возможность для дальнейшего усовершенствования. Вариантов такого усовершенствования было несколько. Один из них, уже упомянутый выше, — годичная стажировка в Московском военном госпитале и возможность затем сдать экзамен Медицинской коллегии (или в Москве — Московской медицинской конторе) на право врачебной практики. Однако нам не удалось установить имена выпускников медицинского факультета Московского университета, получивших разрешение на врачебную практику именно таким образом. Известно, что годичную практику в Московском военном госпитале проходили Д. И. Иванов, М. Я. Мудров, Н. Г. Щеголев, но никто из них не был удостоен лекарского звания, дававшего такое право. Д. И. Иванов предпринял попытку сдать экзамен сразу после окончания университета, но эта попытка оказалась неудачной, и он был зачислен подлекарем в Московский военный госпиталь, а через год отправлен за границу для дальнейшей подготовки. М. Я. Мудров и Н. Г. Щеголев в результате своей стажировки получили лишь звания кандидатов хирургии⁸.

Несколько иначе сложилась судьба И. Ф. Венсовича и Ф. П. Ершова, которые после окончания медицинского факультета Московского университета также проходили усовершенствование в Московском военном госпитале, но несколько более продолжительное время. Так, И. Ф. Венсович после более чем 2-летней подготовки выдержал экзамен на степень доктора медицины, а после защиты диссертации одновременно с ученой степенью получил от Медицинской коллегии право на врачебную практику, а позже стал профессором Московского университета⁹. Ф. П. Ершов также подготовил докторскую диссертацию и, выдержав экзамен, стал доктором медицины. Впоследствии он успешно практиковал в Смоленском наместничестве и Вознесенской губернии¹⁰.

Другой путь усовершенствования предусматривал отправку выпускников медицинского факультета Московского университета в европейские университеты для стажировки, подготовки и защиты докторской диссертации. Так сложилась судьба И. П. Воинова, М. И. Багрянского, В. Я. Колокольниковца, Ф. К. Курики, М. И. Невзорова, Ф. Г. Политковского,

⁹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CLXX.

¹⁰ До 1795 г. в системе госпитальных школ — медико-хирургических училищ существовали два звания, определявшие квалификацию учеников и выпускников этих учебных заведений, — подлекаря и лекаря. Звание подлекаря присваивалось хорошо успевающим ученикам после 2-3 лет обучения при условии сдачи соответствующего экзамена. Это звание в отношении права на самостоятельную врачебную деятельность и по срокам обучения в принципе соответствовало званию кандидата медицины, присваивавшемуся выпускникам медицинского факультета Московского университета. Звания лекаря удостоивались выпускники госпитальных школ — медико-хирургических училищ еще через 1-2 года обучения по результатам итогового экзамена, принимавшегося не только преподавателями соответствующего учебного заведения, но и представителями Медицинской коллегии. С 1795 г. “Предварительным постановлением...” был введен иной порядок, в соответствии с которым в медико-хирургических училищах оставались лишь наиболее отличившиеся из удостоенных звания подлекаря. Через год обучения им присваивалось следующее звание — кандидата хирургии (также без права на самостоятельную практику), а еще через год они могли сдать экзамен на звание лекаря (Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века. — М., 1959. — С. 38. Мирский М. Б. Медицинская коллегия: из истории медицины России XVIII века // Пробл. социальной гигиены и история медицины. — 1995. № 2. — С. 58). Биографии М. Я. Мудрова и Н. Г. Щеголева см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855; Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — СПб., 1886. — С. 21, 171.

¹¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 155.

¹² Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CLXV.

⁷ Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 146.

⁸ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 23-24.

В. М. Рихтера. В конечном итоге за границу были отправлены и упоминавшиеся выше Д. И. Иванов и М. Я. Мудров. Все они возвратились в Россию докторами медицины и наряду с правом практики многие получили профессорские должности в Московском университете¹³.

Выпускникам медицинского факультета предоставлялась также возможность остаться при университете, исполняя обязанности помощника профессора и, начиная с 1791 г., после защиты диссертации в Московском университете и получения степени доктора медицины также добиться прав либо на врачебную практику, либо на чтение профессорских лекций, либо чаще всего на то и другое. Здесь можно назвать имена Ф. И. Барсука-Моисеева, И. С. Андреевского, А. И. Данилевского, И. А. Двигубского, В. М. Котельницкого, С. А. Немирова, а также Н. Г. Щеголева.

Однако вернемся к преподаванию на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке и рассмотрим вопросы, связанные с содержанием учебного процесса. Здесь основным материалом для реконструкции могут служить расписания лекций. Во-первых, потому, что лекции являлись основной формой обучения на факультете в XVIII веке, а во-вторых, потому, что расписания лекций представляют собой, пожалуй, единственный достоверный из дошедших до нас источников, в котором нашли отражение не только замыслы и идеи, но и реальные события, связанные с преподаванием на медицинском факультете в XVIII веке. В них содержатся перечень и краткие описания всех в действительности читавшихся в то время дисциплин, приводятся учебники и руководства, действительно служившие основой преподавания того или иного предмета.

Расписания лекций — не вновь обнаруженный источник: исследователи истории высшего образования в России, Московского университета, отечественные историки медицины давно обратили на него внимание, но вместе с тем никто из них не предпринял попытки проанализировать все сохранившиеся расписания лекций как единый документ, отражающий состояние и динамику учебного процесса. Использование же расписаний лекций для “иллюстрирования” частных положений не только значительно снижало ценность этого источника, но и привело, как будет показано ниже, к ошибочным выводам, в частности в отношении преподавания на медицинском факультете Московского университета.

Уже при поверхностном ознакомлении с расписаниями лекций обращает на себя внимание принципиальное несоответствие перечня читавшихся дисциплин распределению учебных предметов, определенному для медицинского факультета “Проектом о Учреждении Московского университета”. Напомним, что в соответствии с этим документом на медицинском факультете должно было вестись преподавание по следующим дисциплинам:

“1. Доктор и профессор Химии должен обучать химии физической особливо и аптекарской.

2. Доктор и профессор Натурал(ь)ной Истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных.

3. Доктор и профессор Анатомии обучать должен и показывать практикою строение тела человеческого на Анатомическом театре и приучать Студентов в медицинской практике”¹⁴. Такое распределение учебных предметов не только не соответствовало порядку преподавания в университетах Европы, по образу и подобию которых планировалось организовать Московский университет, но и не отвечало целям и задачам медицинского образования, поскольку в тексте “Проекта”, кроме анатомии, отсутствовали медицинские дисциплины¹⁵. В то же время из расписаний лекций следует, что уже с первых лет работы на медицинском факультете Московского университета читались все традиционно преподававшиеся в большинстве университетов Европы как теоретические, так и практические медицинские дисциплины. Несоответствие “Проек-

та”, который по замыслу создателей должен был служить основным законом для университета, реальному положению дел не случайно. Первые профессора и руководители университета, по-видимому, прекрасно понимали все недостатки “Проекта” и сделали все возможное, чтобы привести содержание и объем преподавания в соответствие с европейской традицией университетского медицинского образования. Уже в 1764/65 учебном году И. Х. Керштенс приступил к чтению “медицинской материи” и общей гигиены, а И. Ф. Эразмус, кроме анатомии, начал преподавание хирургии — предметов, в “Проекте” не значившихся¹⁶.

О позиции профессоров в отношении того, как и что должно преподаваться на медицинском факультете, можно судить по составленному ими “Мнению об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве”: “В медицинском факультете иметь быть три Ординарных Профессора, из которых первый обучать имеет практической медицине и химии, второй — анатомии и хирургии, третий — теоретической медицине и ботанике”¹⁷. Мы привели здесь “Мнение” профессоров не столько для того, чтобы показать, что именно оно (и это подтверждают расписания лекций), а отнюдь не “Проект”, было полностью реализовано на медицинском факультете, а главным образом потому, что “Мнение” наряду с расписаниями лекций позволяет воссоздать порядок преподавания на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке, на отсутствие которого указывали авторы ряда историко-медицинских публикаций. Так, Г. А. Колосов прямо отмечал, что “определенного выработанного плана преподавания” на факультете в XVIII веке не было¹⁸. И. В. Пионтковский указывал, что невозможно точно определить, в какие годы читалась патология и почему в расписаниях лекций ряда лет этой дисциплины нет¹⁹. То же недоумение выразил и В. В. Марковников в отношении преподавания химии²⁰.

На основании материалов, изложенных в монографии Д. М. Росийского²¹, невольно приходишь к выводу, что различные предметы читались одним и тем же лицом или одна и та же дисциплина преподавалась в разные годы чуть ли не всеми профессорами факультета. А поскольку никак не оговариваются причины такого положения дел, то складывается впечатление полного хаоса в организации учебного процесса на медицинском факультете в XVIII веке.

Из текста “Мнения” можно видеть, что профессора, исходя из принципов европейской университетской традиции, предложили разделить все предметы преподавания на комбинированные профессорские курсы — химии и практической медицины, анатомии и хирургии, теоретической медицины и ботаники. Лишь присоединение ботаники к курсу теоретической медицины, в рамках которого традиционно читались физиология, патология, терапия, диететика, семиотика, гигиена, не вполне соответствовало порядку преподавания на медицинских факультетах европейских университетов, что, по-видимому, было связано со стремлением уложить весь объем преподавания в наличные штаты Московского университета. Реально преподавание ботаники на медицинском факультете не велось вместе с курсом теоретической медицины. Ботаника читалась либо самостоятельно, либо в курсе натуральной истории. Кстати, нельзя исключить, что в подготовленных куратором университета В. Е. Адоуровым одновременно с “Мнением”

¹³ См. соответствующие статьи Биографического словаря, а также статью З. И. Бахтиной “Масон и доктор медицины М. И. Багрянский” // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1992. Т. 1. — С. 104-116.

¹⁴ Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 144.

¹⁵ Подробный разбор см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. “Проект о учреждении Московского университета” и его практическая реализация на медицинском факультете в XVIII веке // Пробл. социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 4.

¹⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т. 1. — М., 1960. — С. 332.

¹⁷ Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве (на указ Императрицы от 29.11.1765 г.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1875. — Кн. II. — С. 199.

¹⁸ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Советская клиника. — Т. XVII. — 1932. — № 2-3. — С. 136.

¹⁹ Пионтковский И. В. Кафедра патологической физиологии // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 142.

²⁰ Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете // Ломоносовский сборник: Материалы для истории развития химии в России. — М., 1901. — С. 27-28.

²¹ Росийский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 21-47.

Профессор и читавшийся им курс	Учебный год				
	1792/93	1793/94	1794/95	1795/1796	1796/97
С. Г. Зыбелин — химия и практическая медицина	Практическая медицина	Практическая медицина и химия	“Медицинская материя”	Практическая медицина	Практическая медицина и химия
М. И. Скиадан — теоретическая медицина	Патология Гигиена Семиотика Терапия	Физиология	Физиология и патология	Патология Гигиена Семиотика Терапия	Физиология

профессоров и также не получивших высочайшего утверждения новых “Штатах” университета вводимая четвертая профессорская должность на медицинском факультете предусматривалась для экстраординарного профессора ботаники²². Фактически профессорских курсов было четыре, а с 1790 г. после выделения преподавания хирургии и акушерства в самостоятельный курс — пять²³.

Предпринятая нами попытка наложить все обнаруженные расписания лекций медицинского факультета за период с 1765 по 1804 гг. на “матрицу” четырех или пяти профессорских курсов позволила установить, что, во-первых, эти курсы имели достаточно строгую трехлетнюю цикличность, во-вторых, в пределах одного цикла преподавание каждого из профессорских курсов предполагало последовательное изложение всех входивших в него дисциплин и, наконец, в-третьих, эта последовательность сохранялась при смене профессора, читавшего тот или иной курс. Наиболее наглядно это видно на порядке преподавания курсов теоретической медицины, химии и практической медицины. В качестве примера приведем последовательность изложения дисциплин, входивших в эти курсы за период с 1792/93 по 1796/97 учебные годы, расположив материал в виде таблицы²⁴.

Из таблицы видно, что 1792/93 и 1795/96 учебные годы завершили трехлетние циклы, т.е. говоря современным языком, в эти годы на медицинском факультете учились студенты последнего курса. Соответственно 1793/94 и 1796/97 учебные годы представляли собой начало новых циклов обучения на факультете. Более того, выявленные таким образом годы начала и завершения трехлетних циклов обучения совпали с датами зачисления на медицинский факультет и выпуска из университета известных в настоящее время воспитанников медицинского факультета Московского университета. Так, в 1793 г. на медицинский факультет были приняты И. А. Двигубский и И. П. Воинов, а Ф. И. Барсук-Моисеев завершил обучение в университете. В 1796 г. поступил М. Я. Мудров, а И. А. Двигубский, И. С. Андреевский и И. Ф. Венсович окончили медицинский факультет²⁵.

Таким образом, догадку М. П. Мультиановского²⁶ о том, что профессора медицинского факультета Московского университета в первые десятилетия его существования читали свои курсы в течение 3 лет и по окончании приступали к изложению новых курсов для нового состава слушателей, можно считать доказанной.

Отметим, что из системы трехлетних циклов преподавания были исключения. Так, четырехлетним стал цикл обучения на медицинском факультете с 1789/90 по 1792/93 учебные годы, что, по-видимому, было вызвано выделением с 1790/91 учебного года преподавания акушерства в самостоятельный профессорский курс и привело к продлению сроков обучения на факультете до завершения нового трехлетнего цикла акушерства. Отметим также, что в течение ряда лет преподавание на медицинском факультете не велось. В 1771/72 учебном году лекции в Московском университете не читались из-за свирепствовавшей в Москве с сентября 1771 г. по апрель 1772 г. чу-

мы. Как известно, и С. Г. Зыбелин, и П. Д. Вениаминов, на которых в те годы лежал основной объем преподавания, приняли активное участие в ликвидации эпидемии и вряд ли могли совмещать эту работу с проведением занятий в университете. По-видимому, не было занятий и в 1768/79 учебном году. В 1766-1767 гг. почти все студенты университета, в том числе и те, которые уже прошли курс философского факультета и могли приступить к изучению медицины, были отозваны для работы в “комиссии по составлению нового уложения”, о чем уже упоминалось выше. Новое поступившие в 1767 г. к началу 1768/69 учебного года лишь год проучились на философском факультете, и на заседании Университетской конференции от 2 августа 1768 г. было принято решение не переводить их на специальные факультеты, чтобы “они выполнили по крайней мере двухгодичный срок”²⁷. Исключение для медиков, о котором говорилось выше, в отношении сроков обучения на философском факультете было введено позднее. Другим, правда косвенным, свидетельством может служить замечание С. П. Шевырева о том, что С. Г. Зыбелину и П. Д. Вениаминову, получившим в 1768 г. звания ординарных профессоров, было поручено приступить к чтению лекций с 1769 г.²⁸

Не велось преподавания и в 1802/03 учебном году. Об этом, в частности, свидетельствует отчет попечителя Московского университета М. Н. Муравьева, в котором говорилось, что в 1802/03 учебном году “Медицинский факультет ..., оставался без действия, по малой склонности Студентов к сему учению”²⁹. Также, по-видимому, из-за отсутствия студентов не было преподавания и в 1782/83 учебном году, который должен был стать первым годом нового трехлетнего цикла. Расписание лекций за этот год обнаружить не удалось. При этом перечень учебных предметов, объявленный в следующем, 1783/84 учебном году, соответствует перечню предметов первого года обучения.

Однако введению четырех или даже пяти профессорских курсов шло вразрез не только с “Проектом”, но и с действовавшими штатами университета и встретило ряд трудностей, прежде всего финансовых, поскольку жалование могли получать только ординарные профессора. И это при том, что жалование профессоров Московского университета (до 500 руб. годового дохода) было существенно ниже жалования их российских коллег, например в медико-хирургических училищах³⁰.

Низкое жалование профессоров медицинского факультета — лишь одна из всего комплекса проблем материально-технического обеспечения учебного процесса в XVIII веке. Библиотека Московского университета находилась в очень плохом состоянии. Книги были выписаны впервые в 1766 г., и более на протяжении XVIII века библиотека практически не пополнялась. Да и в само ее помещение можно было попасть лишь 2 раза в неделю на несколько часов. Хирургические и анатомические инструменты к концу века пришли в полную негодность³¹. Анатомический музей насчитывал незначительное число препаратов и при этом содержался в беспорядке. Единственный предмет медицинского факультета, который должен был преподаваться с элементами практических занятий, — анатомия — читался в основном по книгам и таблицам³². Руководству университета так и не удалось вплоть до начала XIX века решить вопросы взаимодействия с полицейским уп-

²² ЦГАДА. — Ф. 248 (3-й департамент Сената). — Оп. 63. — Д. 5478. — Л. 271.

²³ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете ... преподаваемых, с 17 августа 1790 г. по 26 июня 1791 года — М., 1790.

²⁴ Здесь и далее в связи со ссылками на расписания лекций см.: Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4

²⁵ См. соответствующие биографии в кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855.

²⁶ Мультиановский М. П. История медицины. — М., 1967. — С. 130.

²⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т. 3. — М., 1963. — С. 155.

²⁸ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С. 144.

²⁹ Там же. — С. 329.

³⁰ ЦГАДА. — ф. 359. — Д. 22. — Лл. I. — 8 об.

³¹ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Советская клиника. — 1932. — Т. XVII. — № 2-3. — С. 136-137.

равлением по своевременной доставке необходимого количества трупов в анатомический театр, помещение которого, построенное под наблюдением И. Ф. Эразмуса, было также не вполне приспособлено для занятий со студентами.

О конкретном содержании того или иного курса можно судить лишь в общем плане: конспекты лекций, если они велись, не сохранились. Вместе с тем расписания лекций донесли до нас краткие описания читавшихся дисциплин, раскрывающие их тематическую направленность, и, что особенно важно, источники, по которым велось преподавание. Европейская университетская традиция предусматривала обязательное утверждение Университетской конференцией выбранного тем или иным профессором основного источника преподавания. В этом плане параграф 8 “Проекта о Учреждении Московского университета” выглядит еще более категорично: “Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе системы или Автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен последовать тому порядку и тем Авторам, которые ему Профессорским собранием и от кураторов предписаны будут”³². Таким образом, объявленные в расписаниях лекций учебники и руководства являлись своеобразной программой преподавания по данной дисциплине. Безусловно, за профессорами сохранялась возможность по своему усмотрению определять объем преподавания как отдельных дисциплин в рамках целого курса, так и каких-то разделов в пределах одной дисциплины: изменять последовательность изложенного в руководстве материала, даже в некоторых частных вопросах отходить от назначенного источника, комментируя те или иные его положения. Однако, если можно так выразиться, идеология преподавания той или иной дисциплины, его направленность, перечень обязательных для рассмотрения вопросов жестко определялись избранным источником. При этом отметим, что среди источников, по которым велось преподавание, нет учебников или руководств, составленных профессорами Московского университета. “Сочинения” И. Х. Керштенса по минералогии и “медицинской материи”, а также работу М. И. Скиадана “О самопознании” нельзя считать таковыми, поскольку они не только не были опубликованы и никому неизвестны, но и нет даже их точных названий. Эти работы не упоминаются и в библиографических списках И. Х. Керштенса и М. И. Скиадана в “Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета”.

Анализ содержания каждой из читавшихся на факультете дисциплин может служить предметом отдельных публикаций. Мы остановимся лишь на наиболее общих вопросах, связанных с содержанием учебного процесса, — его идеологии, характере, соответствии современному уровню развития медицинской науки.

Анализ источников, использовавшихся на медицинском факультете в XVIII веке, позволил установить, что преподавание целого комплекса дисциплин, в рамках которых излагались вопросы внутренней медицины и ее теоретических основ, строилось на единой идеологической базе. Этой базой служило учение Г. Бургава, нашедшее отражение как в руководствах самого Г. Бургава по химии и практической медицине³⁴, так и в трудах по патологии, физиологии, терапии, клинической медицине его последователя Хр. Г. Людвига³⁵. Эти работы служили на протяжении практически всей второй половины XVIII века главными источниками для преподавания химии, практической и теоретической медицины — дисциплин, которые читал сам Г. Бургава в Лейденском университете в первой трети XVIII века. Отметим, что С. Г. Зыбелин и П. Д. Вениаминов,

начавшие преподавание этих разделов медицины в Московском университете, учились в Лейдене и слушали лекции по химии и патологии известного в Европе ученика Г. Бургава И. Д. Гауба, явившегося автором первого всеобъемлющего руководства по патологии³⁶ и первым, как утверждает Л. Менье, кто установил рецептурные формулы³⁷. Работа И. Д. Гауба по рецептуре³⁸ также использовалась С. Г. Зыбелиным в изложении “медицинской материи”, хотя основным источником преподавания по этой дисциплине служили учебники Р. А. Фогеля³⁹. Примечательно, что обе эти работы Р. А. Фогеля, профессора Геттингенского университета, не только неоднократно переиздавались в Лейдене, но и происходило это в том числе и в те годы, когда профессором химии и патологии Лейденского университета был И. Д. Гауб. По-видимому, учебники Р. А. Фогеля, по меньшей мере, не противоречили основным положениям работ и учения Бургава.

Учение Бургава представляет собой попытку объединить и примирить все существовавшие на рубеже XVII-XVIII веков течения в медицине и включить все последние достижения науки. Как следствие в этом учении тесно переплетались солидаризм и гуморализм, ятрохимические и ятромеханические представления и концепции. Так, по Бургаве, болезнь — результат возникшего под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов неправильного смещения частиц, составляющих главное основание человеческого тела, имеющего характер “какохимии”. Таких “какохимий” несколько: например, слизистая (когда земляная частица соединяется с водяной таким образом, что масляной и соленой частицам не хватает места), черножелчная, водяная, соленая и т.д. При этом кровь становится “расположенной к порче и остроте с гнилью” и обязательно вовлекается в патологический процесс, обеспечивая развитие болезни⁴⁰.

В определенной степени отходом от избранной идеологии в преподавании на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке внутренней медицины и ее теоретических основ явилось использование М. И. Скиадана с 1788/89 учебного года учебника А. Галлера⁴¹ для преподавания физиологии. Хотя А. Галлер был также учеником Г. Бургава и всегда с почтением относился к творчеству своего учителя, введенные и разработанные им положения о возбуждении и раздражимости заставляли пересмотреть многие основополагающие позиции учения Бургава⁴². Однако, на наш взгляд, это не изменило общей направленности преподавания, поскольку чтение физиологии по Галлеру в рамках курса теоретической медицины дополнялось изложением патологии и терапии по Бургаве.

Но Г. Бургаве был прежде всего выдающимся врачом-практиком, призывавшим своих слушателей в первую очередь руководствоваться данными, собранными у постели больного, и именно на этом строившим свое преподавание практической медицины в Лейденском университете. Пожалуй, только влиянием европейской университетской традиции можно объяснить тот факт, что, разделяя идеи Г. Бургава, С. Г. Зыбелин вплоть до 1801 г. не предпринял даже попытки ввести клинические демонстрации в преподавание практической медицины. Однако отметим, что, судя по расписаниям лекций, С. Г. Зыбелин на протяжении XVIII века не только расширил объем преподавания этой дисциплины (с одного года до полутора лет обучения), но и предпринял шаги с целью добиться его максимальной практической ориентации, объявив в 1801/1802 учебном году о начале преподавания курса “консультаторной медицины” с демонстрациями больных.

³² Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1861. — Кн. 3. — С. 27-28.

³³ Проект о Учреждении Московского университета // Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 145.

³⁴ Voerhaave H. Elementa Chimiae quae anniversario labore decuit. — Leyden, 1732; Voerhaave H. Institutiones medicae in usus annuae exercitationes domesticos digestae. — Leyden, 1708, 1752.

³⁵ Имеются в виду учебники Хр. Г. Людвига (Ch. G. Ludwig): “Institutiones pathologicae” (в России был издан в 1790 г. в типографии Московского университета под заглавием “Патология или полезные наставления о существе, причинах, припадках и знаках болезней, в человеческом теле случающихся”); “Institutiones physiologicae”; “Institutiones therapeuticae generalis”, “Institutiones medicinae clinicae” (Leipzig, 1752-1765).

³⁶ Gaubius H. D. Institutiones pathologicae medicales. — Leyden, 1758.

³⁷ Менье Л. История медицины. — М.; Л., 1926. — С. 144-145.

³⁸ Gaubius H. D. Libellus de methodo concinnandi formulas medicamentorum. — Leyden, 1739.

³⁹ Vogel R. A. Institutiones Chemicae ad lectiones Academicas Accomodatae. — Göttingen, 1755; Vogel R. A. Historia materiae medicae ad novissima tempora producta. — Leyden; Leipzig, 1758.

⁴⁰ Богданов Н. М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755-1905 гг. — М., 1909. — С. 15-22.

⁴¹ Haller A. von. Primae lineae Physiologiae usum Praelectiones Academicum auctae et amenatae. — Göttingen, 1747.

⁴² Меркулов В. Л. Альберт Галлер. — Л., 1981.

Однако при очевидных достоинствах единой идеологии в преподавании целого комплекса дисциплин, имеющих различную направленность (физиология и патология, лечебное дело и профилактика заболеваний), дававшей возможность показать их тесную взаимосвязь, использование на протяжении всего XVIII века одних и тех же учебников и руководств по существу только двух авторов — Г. Бургаве и Хр. Г. Людвиг, вышедших в свет в начале и середине века соответственно, имело существенные недостатки. И дело даже не в том, что к концу XVIII столетия появились новые и, возможно, лучшие учения и системы. Наука не стояла на месте, и каждая медицинская книга, вышедшая в свет в этот период, содержала новые открытия. Но книги в Московский университет с 1766 г., т.е. со времени, когда они впервые были закуплены (кстати сказать, те же руководства Г. Бургаве и Хр. Людвиг⁴³), не поступали. Студенты были лишены возможности таким образом узнавать о последних достижениях европейской мысли. Профессора, однажды побывав за границей или окончив медицинский факультет какого-либо европейского университета, вплоть до завершения работы в Московском университете более за границу не выезжали. Те же, кто только вернулся со стажировки и располагал современными данными, продолжали идти по проторенной дорожке преподавания по Бургаве. Лишь в отношении С. Г. Зыбелина мы можем считать, что он в свой курс практической медицины и химии вводил новый материал. Известно, что у С. Г. Зыбелина была прекрасная собственная библиотека, включавшая и новейшие издания. В расписаниях своих лекций он неизменно указывал, что будет использовать “и другие новые изобретения прославившихся мужей”. Кого именно имел в виду С. Г. Зыбелин, сказать трудно. Отметим также очевидную заслугу М. И. Скиадана, который хотя и с опозданием, но ввел преподавание физиологии по Галлеру. Учебник А. Галлера, долгое время считавшийся последним словом в физиологии и получивший заслуженное европейское признание, вышел в свет в 1747 г., а в Московском университете, как мы уже указывали выше, начал использоваться только с 1788/89 учебного года.

Таким образом можно утверждать, что в преподавании теоретической и практической медицины в XVIII веке было определенное отставание — профессора медицинского факультета приступали к использованию того или иного руководства уже на спаде его популярности в Европе — с опозданием в среднем на 30-40 лет. Еще одним примером тому может служить преподавание химии и “медицинской материи” по Бургаве и Фогелю.

Когда в 60-х годах И. Х. Керштенс, а затем П. Д. Вениаминов начинали преподавание химии и “медицинской материи” по руководствам Р. А. Фогеля и Г. Бургаве, эти книги представляли собой одни из самых современных источников. Однако к концу XVIII века уже существовал более современный учебник И. Жакена⁴⁴. И хотя он был переведен на русский язык и издан в 1795 г., причем в типографии Московского университета⁴⁵, в преподавании его начали использовать только с 1803 г.

Единая идеология в преподавании химии, практической и теоретической медицины, о которой мы говорили выше, не распространялась на все остальные дисциплины, читавшиеся на факультете, и это еще одно соответствие европейской университетской традиции. Хирургия и акушерство, хотя и читались в европейских университетах, вплоть до середины XIX века не являлись равными по значимости таким предметам, как патология или практическая медицина.

О содержании и характере преподавания этих дисциплин в Московском университете можно судить, помимо указанных в расписаниях лекций источников, которых придерживался лектор, и по сохранившимся воспоминаниям М. Я. Мудрова о студенческих годах в Московском университете, относящимся ко второй половине 90-х годов. Тогда курс хирургии и акушерства читал профессор В. М. Рихтер. Отметив блестящее знание

В. М. Рихтером излагаемых им вопросов, прекрасное чтение лекций, М. Я. Мудров указал, что они не видели ни одной операции, ни одних родов, ни разу не имели возможности выполнить ту или иную операцию на трупе⁴⁶. В принципе такой характер преподавания полностью отвечал целевым установкам университетского медицинского образования. Но в качестве источника для преподавания акушерства В. М. Рихтер, как и его предшественник Ф. Ф. Керестури, использовал учебник И. Редерера. Этот учебник долгое время считался лучшим в Европе⁴⁷. С именем И. Редерера было связано выделение преподавания акушерства в самостоятельный курс, открытие в Геттингене акушерской клиники при университете⁴⁸. Но учебник И. Редерера впервые вышел в свет в 1753 г., и к концу века существовал более современный учебник И. Пленка⁴⁹, в котором, например, впервые описывалась такая важная для акушерства методика, как определение сроков беременности по высоте стояния дна матки⁵⁰.

Отличительной чертой преподавания курса анатомии в XVIII веке являлась его анатомо-физиологическая направленность: наряду со сведениями о строении органов студентам излагались вопросы, освещавшие их функции. Более того, именно в курсе анатомии давался основной объем сведений по физиологии органов и систем, в то время как в рамках собственно физиологии освещались главным образом вопросы “состава твердых и свойства жидких частей человеческого тела, с зависящими от них в здравии действиями”, “причины жизни и здравия”⁵¹. Не случайно Ф. Ф. Керестури, начиная с 1792/93 учебного года, в расписаниях своих лекций объявлял о том, что “дабы точнее определить действия многих частей одушевленного тела, то покажет строение оных частей и в животных разного рода. По чему для деления Анатомико-физиологических экспериментов будет иногда рассекать живых животных”⁵².

По существу единственным предметом, который должен был преподаваться с элементами практических занятий, являлась анатомия. К тому же в европейских университетах к концу XVIII века практическая сторона в преподавании анатомии (работа со студентами в анатомическом театре, демонстрации вскрытий и музейных препаратов) стала превалировать. В Московском университете должным образом организовать такое преподавание анатомии вплоть до начала XIX века так и не удалось. Помимо объективных материальных затруднений, о которых мы говорили выше, М. Я. Мудров отметил также нежелание прозектора И. С. Андреевского (а следовательно, и профессора анатомии Ф. Ф. Керестури) проводить со студентами практические занятия в анатомическом театре и даже дать им возможность самостоятельно упражняться в препарировании трупов. Да и теоретический курс анатомии, по свидетельству М. Я. Мудрова, студенты проходили не в полном объеме, поскольку Ф. Ф. Керестури из года в год не успевал его окончить⁵³. Здесь положение дел начало меняться в лучшую сторону только в середине 1810-х годов. Также только в XIX веке с принятием Университетского устава 1804 г., в корне изменившего целевые установки университетского медицинского образования, и организация, и содержание преподавания начали строиться на совершенно иных принципах и в большем соответствии уровню развития науки того времени.

⁴⁶ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1861. — Кн. 3. — С. 28-29.

⁴⁷ Roederer I. G. Elementa artis obstetriciae in usum praelectionum academicarum. — Göttingen, 1753.

⁴⁸ Мейер-Штейнгер Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 396.

⁴⁹ Plenk I. Elementa artis obstetriciae. — Wien, 1781.

⁵⁰ Менье Л. История медицины. — М.; Л., 1926. — С. 163-164.

⁵¹ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете ... преподаваемых, с 17 августа 1786 по 26 июня 1787 года. // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4.

⁵² Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете ... преподаваемых, с 17 августа 1792 по 26 июня 1793 года. // Там же.

⁵³ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1861. — Кн. 3. — С. 28.

⁴³ Реестр принадлежащим до медицинских наук книгам // В кн.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — М., 1963. — Т. 3. — С. 199-200.

⁴⁴ Jaquin I. Lehrbuch der allgemeinen und medicinischen Chemie. — Wien, 1793.

⁴⁵ Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. — М., 1953.